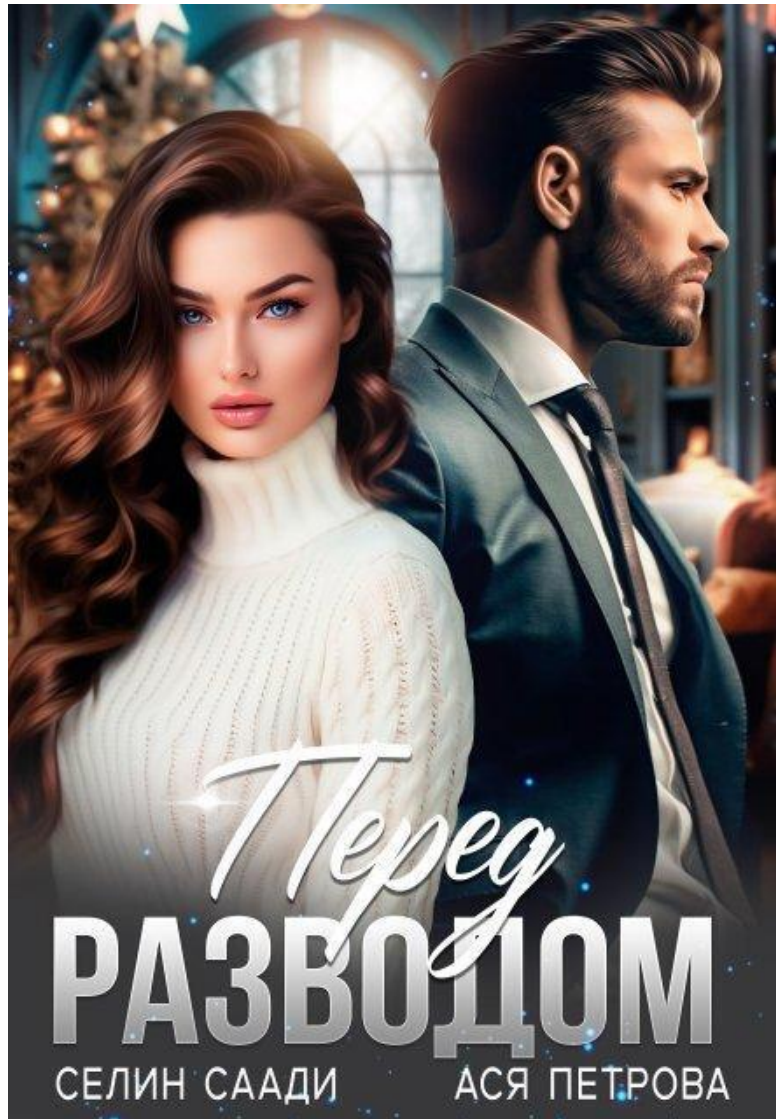

Терек
РАЗВОДОМ

СЕЛИН СААДИ

АСЯ ПЕТРОВА

Селин Саади

Перед разводом

<https://litres.ru/74215519>

Аннотация

— Господи, — ловлю воздух открытым ртом, — Пока я тут думала, что ты умираешь, ты просто бросил семью и ушел к другой? Да лучше бы ты сдох! Осознание приходит. Очень медленно, но жестко, словно гвоздь вбивается. — Как ты смеешь? Если ты меня разлюбил, за что ты так поступаешь с дочерью? Она же обожает тебя...

— От дочери я не отказываюсь, — пожимает плечами, — Просто с тобой жить не хочу. Я сниму вам на первое время квартиру, а пока вы вещи собираете, я поживу у своей женщины.

— Какую еще квартиру? Это наш дом, Витя.

— Это мой дом, Рада. И я хочу здесь жить со своей семьей. С любимой женщиной. Ты думаешь я все эти двести квадратов тебе оставлю? Неплохо ты устроилась...

!#ХЭ для всех достойных

Нажмите "мне нравится" если история вас зацепила, а чтобы не потерять добавляйте книгу в библиотеку♥#

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	12
Визуализация главных героев	17
Визуализация	18
Глава 3	19
Глава 4	23
Глава 5	30
Глава 6	35
Глава 7	39
Глава 8	45
Глава 9. Виктор	52
Глава 10	57
Глава 11	62
Глава 12	67
Конец ознакомительного фрагмента.	73

Глава 1

Кругом суета, но она скорее приятная, нежели несколько часов назад.

Стол ломится от закусок, отдельная столовая зона для детей, намеренно оборудованная на кухне, уже пережила катарсис из нападок на блюда. Но большая часть родителей в полном расслаблении размеренно допивает второй бокал шампанского.

Этот Новый год мы впервые встречаем в нашем доме огромной компанией из нескольких семей и коллег мужа. И несмотря на то, что переехали мы еще в позапрошлом году, ремонт не был готов, чтобы можно было здесь устраивать такие массовые мероприятия.

Но сегодня все, как я и мечтала: дом украшен гирляндами красиво мигающими белым холодным светом. Во дворе стоит наряженная елка, вокруг которой будут вестись хоро-воды с Дедом Морозом. У камина в гостиной висят забавные носки и стоят подсвечники, обернутые в имитацию елочных веток.

Мой уют и та жизнь, к которой мы шли годами.

Озираюсь по сторонам, контролируя приглашенный кейтеринг и замечаю дочь в платье снегурочки. Она резвится с ребятами и ей совершенно не до пустяков. Представляю, как она ждёт Деда Мороза, ведь загадала не самый дешевый, но

самый желанный подарок.

Ко мне подходит Ульяна с двумя бокалами шампанского. Первоначально она наша соседка через три дома от нашего, но вскоре после переезда в коттеджный поселок стала моей близкой подругой.

— Успокойся уже, и расслабься, — улыбается она, замечая, что я пытаюсь держать все под контролем.

Впервые такое, и конечно, как хозяйке мне хочется, чтобы все прошло идеально.

— Идеально не бывает, поверь, — тут же шепчет она со смешком: — Я бывала, так что смирись заранее.

Да, в прошлом году мы праздновали Новый год у них, поэтому можно сказать она ас. Выдыхаю, принимая ее совет, и делаю глоток пузырящегося напитка.

— Выглядишь обалденно! — шепчет она и подмигивает на мой вид.

Я долго выбирала среди множества блестящих нарядов, отделанных пайетками и люрексом. Но по итогу, остановилась на лаконичном наряде глубокого зеленого цвета с изюминкой в виде неширокой полосы в зоне декольте.

— А где Виктор то? — оглядывается Уля: — Или не он будет дедом? — тут же хмурится.

У нас есть традиция, даже если праздник не дома, Дед Мороз это всегда наш папа. Не знаю, догадывается ли девятилетняя дочь, но надеюсь, что нам удастся держать интригу.

— Отдал бы он кому эту честь, — качаю головой с улыб-

кой: — Был тут, — сама начинаю тревожиться, но действительно, ведь несколько минут назад видела Витю, стоящего с Костей, мужем Ульяны.

— Ладно, не паникуй, как раз может переодевается, время же, — звучивает подруга.

А внутри меня что-то определенно не дает мне расслабиться. И если с утра я думала, что причина в подготовке и встрече гостей.

Сейчас, по существу, уже нет смысла переживать?!

— Я пойду гляну, — улыбаюсь ей: — Может помощь нужна...

Уля играет бровями, но я отмахиваюсь со смешком. Не скажу, что я настолько раскрепощенная, как она, но ее прямолинейность порой бьет все рекорды.

— Тебе лишь бы об одном, — цокаю на нее, а она в ответ пожимает плечами.

Следую в сторону выхода из столовой зоны, и вижу гостей, что в ожидании шоу для детей разбрелись в кружки по интересам.

Не успеваю пройти к лестнице, посылая улыбки тем, кто кивает мне, как слышу, что меня кто-то окликает.

— Радочка, у нас ЧП, — подходит ко мне жена одного из Витиных сотрудников.

Хотя, что уж, я знаю их всех, потому что работаем мы вместе. Но, как и положено, главный то муж.

— Что случилось? — участливо улыбаюсь женщине.

— Дочь костюм порвала, может быть есть у вас что-то... Не успеем к началу. --- она с досадой оборачивается на настенные часы.

— Да, конечно! Давайте посмотрим и выберем, — указываю наверх, чтобы уйти в детскую и выбрать что-нибудь из вещей Мирославы.

— Простите, мы конечно чуть старше, но может хотя бы юбка, — Ледкова выдыхает и устало качает головой.

— Да не переживайте, — пытаюсь успокоить, а сама буквально ощущаю напряжение в каждой клеточке своего тела.

Однако, мне удастся усмирить свои нервы и в течение получаса мы собираем неплохой костюм гнома. Из-за имеющегося набора аксессуаров это не так уж сложно и дается. Все довольны, а главное — ребенку праздник мы спасли.

В момент, как мы умиляемся глядя на дочь Ледковых, слышим, как громко что-то стучит по дому.

— Началось! — срывается подросток вперед, и мы сами с детским предвкушением спешим увидеть Деда Мороза.

Что уж скрывать, я тем более.

Вся подготовка сегодня заняла целый день. Витя тоже готовился, подключал все гирлянды, утрамбовывал место для фейерверка.

Мы только после сна клюнули друг друга в губы, пожелав доброго утра. Ну а вечерние переодевания впопыхах, когда звонок входной двери уже бренчал на весь холл, я не считаю. И все время между этим лишь круговорот дел и забот.

На самом деле, от этого звука приближающегося деда Мороза у меня от сердца отлегло. Я действительно подумала, что что-то пошло не по плану. Но теперь я с полным умиротворением спускаюсь по лестнице, беру новый бокал. И терпеливо замираю в ожидании со всеми остальными.

— Помогла? — рядом оказывается Уля.

Молча киваю и вижу фигуру мужа в полном обмундировании под Деда Мороза.

Он, заметив толпу, театрально удивляется, и тут же открывает раздвижные двери. Дети сходят с ума: визжат, кричат, хлопают в ладоши. Да даже взрослые ждут дальнейших действий с искренними теплыми улыбками.

— Так, так, так, — начинает Дед Мороз: — И кто это тут у нас собрался?!

В конце он добавляет характерное “охохо”, а у меня кровь стынет в жилах.

В ужасе наблюдаю за ним, а затем нервно перевожу взгляд с макушки на макушку каждого присутствующего здесь мужчины. Бокал в руках начинает немного трястись, но я не позволяю панике взять вверх.

Пока дети выкрикивают ответы, а актер сегодняшнего вечера молчит, я двигаюсь ближе. Краем глаза замечаю и растерянный взгляд Ульяны. Уж точно не мне одной показалось.

Подхожу, разглядывая человека в костюме как умалишенная. Ищу малейшие подтверждения собственным догадкам, и в момент, как он посылает взгляд в меня, проговаривая

очередную фразу детям, и не ту, что говорит обычно мой муж, я осознаю до конца.

Отличительная черта Вити - это болотного цвета глаза. И не карие, и не зеленые, а у человека, что сейчас смотрит на меня с улыбкой, глаза цвета горького шоколада. Благодаря не одной гирлянде у входа на террасу я отчетливо это вижу.

Резко на пятках разворачиваюсь, минуя всех гостей и не обращая внимания ни на что, ступаю по лестнице. Держусь за перила, а глаза будто за мутным стеклом не видят перед собой ничего.

Я не представляю, что должно случиться, чтобы Витя нарушил нашу традицию. Еще с младенчества Миры он сам придумал это, потому что дочь появилась у нас не так легко, как нам хотелось бы. Мы просто не могли избавиться от этого безграничного чувства необъятной любви, придумывали всяческие развлечения, фотосессии, выезды. Знакомили ее с этим миром и делали все, чтобы радовать ее каждый миг.

Останавливаюсь у спальни с секунду погода, и только после нажимаю на ручку двери.

Внутри тотальная темнота, и абсолютно точно, пустота.

На всякий случай иду в ванную, проворачиваю выключатель и замечаю капли воды, что стекают по стенам душевой кабины. В лицо бьет характерной духотой и влажностью, а насыщенный яркий запах парфюма, смешанный с освежающим гелем для душа, кажется вызывает тошноту.

Достаю из кармана брюк телефон, и с полным отсутствием

каких-либо эмоций набираю своего мужа.

Может ли быть причина, чтобы исчезнуть в Новый год от собственной семьи? Может ли быть причина, чтобы не сообщить семье, что ты внезапно уходишь?

И самое ироничное, что это не может быть работа. Половина его топовых сотрудников сейчас внизу слушают рассказы Деда Мороза.

Внутри во мне простирается такая чернота, будто накрыло в миг и все...ты не можешь пробраться сквозь нее.

Нажимаю на кнопку, уже зная, что ответ не получу. Интуиция, шестое чувство, сердце, которое больно кольнули... неважно.

Механический женский голос говорит, что абонент недоступен. Горькая усмешка тянется на губах, а голову атакуют вопросы. Сажусь на, так и не заправленную постель, все еще пытаюсь выплыть из черноты и не поддаваться панике.

А тем временем голос в голове настойчиво повторяет "в день, когда дом наполнен его гостями, а дети ждут курантов и фейерверка, который должен бы запустить хозяин дома — его нет".

Дорогие наши читатели!♥#
 Мы рады приветствовать вас в нашей новинке!

Будем крайне благодарны и признательны за вашу поддержку! Это очень вдохновляет и помогает продвижению романа!★#

Глава 2

Я паникую, когда проходит час, два, а ответа от мужа так и нет. Ульяна оглаживает мои плечи, успокаивая. Ну что с ним могло случиться?

Да, многое. Например, что-то забыл на работе и поехал срочно в офис, а там попал под снегопад, который обещали синоптики, и сейчас застрял посреди трассы.

Но внутри что-то подсказывает, что это не так... И с ним все в порядке. А вот с моим бьющимся невпопад сердцем нет.

— Надо в больницы и в морги позвонить. На всякий.

Я хватаюсь за телефон и убегаю в комнату, где меня никто не услышит. Я не хочу портить праздник гостям своими переживаниями и паранойей, но ко мне уже несколько Витиных коллег подходили и спрашивали, где же хозяин. Да бог его знает где...

— Рада, дорогая. Да все хорошо, — Ульяна идет следом, прикрывает дверь и решает остаться со мной, чтобы поддерживать. Мы обзваниваем с двух телефонов, каждый раз боюсь услышать то, что уже придумала в своей голове, но благо таких мужчин не поступало.

— Ничего не понимаю, — обессиленно падаю на диван, руки потеют от нервного напряжения, — Был человек и резко пропал. Как такое возможно?

— Может поехал и правда в офис, сел телефон... Зарядку забыл. Не знаю, всякое бывает, как новости посмотришь, так люди и не в такие приключения попадают.

— Но почему же он мне ничего не сказал?

— Ты крутилась как белочка в колесе, пыталась сделать все по высшему разряду. Не хотел тебя отвлекать. Пойдем к гостям, Рада, доча твоя почувствует твое настроение, а это плохо. Уверена, что Виктор скоро вернется.

Я тоже провела остаток семейного праздника, успокаивая себя и уверяя, что скоро вернется. Но это скоро случилось в девять утра, когда я выплакала море слез и чуть ли не похоронила мужа.

Он просто заходит в нашу спальню, выспавшийся, с хорошим настроением. Достает чемодан, игнорируя меня, и начинает складывать туда вещи.

— Вить, — шмыгаю носом, — Ты где был?

— Я был с другой женщиной.

Я ощущаю резкий толчок в середине груди, переспрашиваю вопрос, может я ослышалась. Он какую-то ерунду сказал.

— Рада, ты все правильно услышала, — аккуратно кладет брюки по стрелочке, — У меня другая. И я ее люблю. Пиздец, как люблю.

— Это очень несмешная шутка, Вить. Твой новогодний розыгрыш затянулся.

— Да не розыгрыш это. Блядь, я всю ночь трахался с дру-

гой, ты слышишь? Я пил с ней шампанское, смотрел голубой, мать его, огонек. А потом уснул.

Он откидывает свой свитер в угол кровати, заламывая шею.

— Давай разведемся, Рада. Нет смысла строить счастливую семью, которой нет.

— Господи, — ловлю воздух открытым ртом, — Пока я тут думала, что ты умираешь, ты просто бросил семью и ушел к другой? Да лучше бы ты сдох!

Осознание приходит. Очень медленно, но жестко, словно гвоздь вбивается.

— Как ты смеешь? Если ты меня разлюбил, за что ты так поступаешь с дочерью? Она же обожает тебя...

— Ну от дочери я не отказываюсь, — пожимает плечами, — Просто с тобой жить не хочу. Я сниму вам на первое время квартиру, а пока вы вещи собираете, я поживу у своей женщины.

— Какую еще квартиру? Это наш дом, Витя.

— Это мой дом, Рада. И я хочу здесь жить со своей семьей. С любимой женщиной. Ты думаешь я все эти двести квадратов тебе оставлю? Неплохо ты устроилась...

Смотрю на него в упор и не узнаю. Сейчас передо мной не тот ласковый и любящий мужчина, а циничный моральный урод.

— Убирайся! — хватаюсь за ручку чемодана и волочу его незакрытым по полу, — Уходи, пока дочь не проснулась. Ни-

какого тебе дома не будет, Виктор! Я и на метр не сдвинулся с этого места.

— Ладно, — усмехается, — Дам тебе время оклематься от новостей. Но я не шучу, Рада. Моя женщина будет жить со мной в моем доме. А ты нет.

Выталкиваю его из спальни, меня всю трясет, кулаки сжимаются. Я чертовски сильно хочу его ударить, но сдерживаюсь из последних сил.

Как можно было не замечать такого говна вокруг? Как можно было отыгрывать роль примерного семьянина, чтобы потом выдать такое?

Как это вообще возможно?

— Мамочка, — заспанная дочь выглядывает из детской, смотрит на чемодан, потом поднимает взгляд на отца, — Почему вы кричите?

— Все хорошо, маленькая моя, — тут же подбегаю к ней, — Папа уезжает в срочную командировку.

— Как? — расстроено дует губки, — А как же прогулка на пони?

Видимо мой муж решил оседлать другую кобылу.

— Я с тобой схожу, мармеладка. У папы много работы.

Он даже не удостоивает ее взгляда, позорно хватает свои вещи и уходит. Я на грани, чтобы разрыдаться, но перед своей девочкой так делать не буду.

Как там говорят... Как Новый Год встретишь, так его и проведешь. Чувствую, что самое страшное еще впереди.

Такую боль я еще не испытывала. Боль от предательства просто разрывает на куски, забирая весь воздух из легких.

Визуализация главных героев

Дорогие наши, не будем тянуть и покажем как мы видим героев!

Рада Дубова, 37 лет

Ее муж - это ее единственная любовь, она от многого отказалась в юности из-за него. А сейчас...потеря этого уверенного и стабильного чувства любви будет для нее болезненным процессом.

Виктор Дубов, 37 лет

В какой-то момент жены для него стало слишком много и, чеку сорвало. А может быть...ему этого хотелось давно, но он играл роль идеального семьянина и замечательного отца для дочери?

Листаем дальше, там мы познакомимся с новой женщиной Виктора....

Визуализация

Марина Астахова, 45 лет

Есть двое детей от предыдущего брака, Виктору об этом известно.

Если вам нравится начало нашей истории, поставьте звездочку книге!

Одно действие, но оно сделает наш день ярче!

А в 00:00 ждем следующую продю!

Глава 3

Перед глазами все плывет, но я отчаянно жмурюсь, пытаюсь совладать с собой и тем адом, что разворачивается сейчас в моей душе.

«Трахался с ней всю ночь, смотрел, мать его, голубой огонек»

Эти слова прокручиваются непрерывно и оглушительно громко в моем сознании.

Сколько я так уже сижу даже и не знаю. Но за окном темнеет, а в доме все еще отголоски праздника. Праздника, который стал для меня началом конца.

Приглашенные заранее сотрудники клининга хоть и убрали всю посуду и столы, начисто вымыли полы... только избавить меня от той грязи, что осталась в сердце уже не выйдет. Ни одно чистящее средство не поможет.

Мутный взгляд заторможено ведет по роскошному дому, в который я вкладывала наш комфортный, красивый уют, и горький смех слетает с губ.

Какая же я идиотка...

Когда это началось? Почему я не увидела? Почему не почувствовала?

Да, дел стало больше, но мы ведь даже из офиса порой вместе уезжали. У Виктора бывали встречи с партнерами, но это нисколько не выглядело подозрительным.

Сжимаю виски от дикой мигрени и пытаюсь собрать себя по кускам. Невыносимо болит в груди, потому что я честно и искренне любила своего мужа. Ровно также, как и в семнадцать лет.

Помню, как ждала его из армии, письма писала..., рассказывала все новости нашей компании. Плакала от того, как сильно переживаю и как отчаянно скучаю.

Вот и сейчас слезы вновь срываются с глаз, а я резко смахиваю ненужную влагу.

Он уничтожил меня.

Взял и сломал пополам как чертового шоколадного деда мороза. После двадцати лет отношений, счастья и неудач, которые мы решали вместе и шли рука об руку.

Его апатия и поиск дела, когда он не знал чем заниматься, как подняться. Поддержка и минуты маленьких радостей, которыми я пыталась вернуть его и вселить веру в самого себя. Потом годы бесконечных анализов и процедуры эко, и наконец, рождение желанной дочери. Лечение его мамы, с которой я сидела, и даже была не против, чтобы она пожила у нас.

Это не сотрешь за раз...

Просто не существует гребанного ластика, который может подчистую избавить человека от всех этих воспоминаний. И плохих, и хороших.

Господи!

Тру лицо, пытаюсь кожу с себя содрать, и не понимаю, что

делать дальше.

В этот момент слышу щелчок замка, и резко веду головой в сторону холла. Он, вздёрнув бровь, сжимает челюсти и мгновенно двигается в мою сторону.

Отворачиваюсь глядя на мигающие огоньки гирлянды у окна.

— Где Мира? — холодный и равнодушный тон совсем не соответствует вопросу.

— У Ульяны с Костей, — глухо отвечаю, но в глаза лжецу не смотрю.

— Рад, — слышу его и осознаю, что сейчас он будет со мной договариваться: — Я не хотел, чтобы так вышло.

Озвучивает, а я киваю как болванчик с улыбкой сквозь собирающиеся слезы.

— Ты даже не осмелился прийти и сказать честно, Витя... Ты решил сообщить мне это первого января, просто потому что не ночевал дома, — наконец, смотрю на него с болью и разочарованием.

Дубов не выглядит раскaiвшимся или хотя бы сожалеющим. Скорее, я чувствую в нем облегчение. Такое, когда человек звучно выдыхает, а потом на его лице расплывается немного сумасшедшая улыбка.

— Ты вынудила меня сообщить так, — беру бокал вина, что стоял на подлокотнике кресла и делаю смачный глоток.

Я сейчас отчаянно не хочу казаться слабой и оплакивающей свою, как я думала, счастливую жизнь. Хотя, признать-

ся, на минутку мне этого правда хочется. Но я быстро вспоминаю его утренние слова, что холодным лезвием прошлись по мне наживую.

— Я полюбил другую, Рад. Я не искал, не думал, просто так случилось. Я хочу с ней жить здесь... в моем доме. Засыпать и просыпаться, делиться планами...

— Заткнись! — цежу сквозь зубы, вскакивая с места.

Разъяренная как самка богомола пальцем тычу в его грудь, а из ушей буквально готовы сорваться клубы дыма.

Яростным взглядом прожигаю эту высокомерную физиономию, и черт возьми, до безумного не верю, что это мой Витя Дубов.

Тот самый, что рисовал сердечки на полях измятых писем, возил меня в Геленджик с палатками на свои первые заработанные. Витя, который защищал меня от всего, и позволил считать его своей стеной с самых первых мгновений.

— Ты можешь грезить о своей прекрасной жизни с любовницей в НАШЕМ доме только после того, как обеспечишь ребенка жильем!

Акцент на нужном слове дает мне его ответную реакцию в виде желваков на лице и сверкающих глаз.

Черт с ним, что он считает обо мне, я не претендую на его лавры. А точнее лишь на их небольшую часть. Но любой суд наложит на него обязательства в отношении несовершеннолетнего ребенка, а до того времени... я не сдвинусь со своего места пока еще законной жены.

Глава 4

— Хорошо, Рада, — усмехается он, но эта усмешка такая чужая, колючая.

Прячет руки в карманы брюк и смотрит на меня исподлобья, будто судья, который давно вынес приговор.

— В таком случае тебе придется делить жилплощадь с моей женщиной и ее детьми. Кстати, как думаешь, Мира отреагирует на такое?

Слова звучат громом среди ясного неба, и я инстинктивно отшатываюсь. Передо мной не Виктор, которого я знала и любила. Нет, это кто-то другой. Кто-то чужой, холодный и жестокий. Сердце будто сжимается в тиски, и эта боль больше не моя личная — она за дочь.

За нашу девочку.

Как он мог?

Как может так хладнокровно манипулировать ребенком, которого сам безумно хотел? Ребенком, который стал для нас чудом после всех преград и испытаний?

Она ведь его копия. Целиком и полностью. Даже привычки у них одинаковые. Я вижу, как она, нервничая, накручивает локон на макушке — один в один, как он. Они так близки, так похожи, и сейчас все это как нож в сердце.

— Ты больной? — голос звучит глухо, будто слова проходят сквозь слой густого тумана.

Он только хмыкает, недовольно прищуриваясь.

— Ты не идешь мне навстречу, Рада... В чем сложность собрать вещи и съехать?

Я почти задыхаюсь от его слов.

— Сложность в том, что это наш дом! — мой голос повышается, я больше не могу сдерживаться. — Наш с тобой, черт возьми! Не только твой! Это еще и дом твоей дочери, Витя. Ее! Или ты уже забыл об этом?

Его лицо искажается в раздражении. Он отмахивается от меня, как от надоедливой мухи.

— С тобой бесполезно разговаривать. Я приведу сюда Марину. Наверное... только так ты поймешь.

Его слова разрывают меня на части. Это уже не просто обида — это ураган ярости, который сносит все на своем пути.

Я хватаю первый попавшийся предмет — пульт от телевизора — и со всего размаха целюсь в его голову. Трясущимися руками я почти бросаю его, но замираю в последний момент.

— Ты ненормальная?! — резко отступает он, хватая меня за запястье, но я не сдаюсь.

— Только попробуй, только попробуй привести ее сюда! — голос срывается на крик, губы горят от слез. — Я убью тебя! Понимаешь? Убью!

Я не узнаю себя. Слова, которые я произношу, звучат как чужие, но они обжигающе правдивы. Я ловлю соленые капли слез, что текут по щекам, и ярость сменяется ледящей

болью.

— Какое же ты дерьмо, Дубов. Ты клялся мне в вечной любви. Говорил, что мы навсегда. Что я для тебя - единственная. Лгун!

— Да, говорил, — его голос становится почти мягким, но от этого еще больнее, — Но что мне сделать, если я влюбился в другую женщину? Как мальчишка влюбился... Никогда такого не было, Рада.

— Влюбился?! — я почти задыхаюсь от этих слов, — Ты просто перепутал гормоны с любовью!

— Нет. Это... другое. С ней впервые такие эмоции, понимаешь? До встречи с Мариной я и правда думал, что люблю тебя, что у нас идеальная семья, охуенный секс... А потом один ее поцелуй... выбил меня из реальности. Я как наркоман подсел.

Каждое слово - удар. Внутри раскалывается мир, но снаружи я пытаюсь сохранить лицо.

— Что она сделала с тобой, Витя? Это, может, приворот? — цепляюсь за соломинку, любую, лишь бы это оказалось неправдой.

Он смеется, его смех холодный, безжалостный.

— Нет. Просто она другая. Яркая, взрослая, открытая... Я перебиваю, не выдерживая.

— Старше тебя?

— Какая разница? Да, старше, но это не играет роли. С ней я чувствую себя живым.

Его слова продолжают лупить по мне, как раскаленные угли, оставляя ожоги.

Я стою в гостиной, пытаюсь собрать себя по кусочкам, когда раздается звонок в дверь.

Сердце сжимается. Это должно быть Уля с Мирославой.

Мое дыхание неровное, но я быстро вытираю мокрые дорожки слез с щек и натягиваю что-то похожее на улыбку. Дергаю ручку двери на себя, но вместо ожидаемых лиц вижу ее.

Она стоит на пороге, улыбаясь приветливо, будто только что пришла за солью к соседям. Длинное пальто цвета мокрого асфальта, красные ногти, пышные ресницы, которыми она почти хлопает, глядя на меня сверху вниз.

— Здравствуйте, — произносит так спокойно, словно перед ней вовсе не женщина, чью жизнь она уничтожила, — А Витя долго еще? У нас театр скоро.

Она смотрит на часы с таким видом, будто каждый миг ее времени стоит миллионы. Как будто она здесь хозяйка, а я — незванный гость.

— Пошла вон отсюда! — слова срываются сами собой, острым ножом разрезая воздух, — И Витю своего забирай!

Она не уходит. Даже не вздрагивает. Только чуть склоняет голову набок, изображая наивное непонимание.

— Зачем же вы так, Рада?

Мое имя в ее устах звучит как яд.

Она знает, не только как меня зовут. Я это чувствую ко-

жей, слышу в каждой ее интонации. Значит, она давно здесь. Слишком давно.

— Ты и имя мое знаешь... — выдыхаю, чувствуя, как мои пальцы сжимаются в кулаки.

Она улыбается еще шире, почти довольная своей маленькой победой.

— Витя делился секретами семейной жизни, — подмигивает.

Ее жест - последняя капля.

Я теряю контроль.

Все внутри меня, все то, что я так долго пыталась сдерживать вырывается наружу, подобно внезапному извержению вулкана. Я вылетаю на крыльцо прямо в домашних тапочках, и цепляюсь в ее пальто.

— Ты... сука! — с криком валю ее в сугроб, ощущая, как холодная снежная крупа забивается в рукава.

Я никогда не дралась. Никогда не думала, что смогу так. Но сейчас мое тело движется само, кулаки чешутся, горло сжимает ярость, а в глазах плещется огонь.

Она кричит громко, отчаянно, но я не слышу ее. Я просто хочу, чтобы она исчезла.

Виктор вылетает на крыльцо почти мгновенно. Он хватается за плечи, резко отрывает от нее и толкает прочь.

Я теряю равновесие, падаю на колени. Мокрый снег обжигает кожу, но я ничего не чувствую. Боль внутри настолько сильна, что внешние раны просто не имеют значения.

— Ты психопатка! — голос этой женщины снова режет слух. — Теперь понимаешь, почему Витя ушел от тебя?!

— Марин, не надо, — Дубов бережно берет ее за плечи, словно она сейчас ранимая жертва.

— Единственное, что я понимаю, — поднимаюсь с колен, обнимая себя руками, чтобы не дрожать, — Это что ты - блядь, а мой муж - тупой козел.

Они оба замолкают. Она моргает, открывает рот, будто хочет ответить, но Виктор удерживает ее.

Я не хочу слышать, что она скажет. Меня уже тошнит от нее, от него, от всей этой ситуации.

Я резко поворачиваюсь на пятках, залетаю в дом и с размаху захлопываю дверь.

Секунды тянутся, как часы.

Прижимаюсь к двери спиной и слышу только, как мой собственный рваный выдох сливается с шумом ветра за окном.

Они уедут. Они должны уехать. Потому что если останутся, я больше не выдержу.

Но внутри меня уже все ломается. Горло сжимает желание выть, выть так, чтобы утихла боль, чтобы мир снова стал цельным.

Я падаю на пол, сжимаюсь в комок.

В комнате тихо. Только мое дыхание, только глухие рыдания, которые больше не могу сдержать.

Перед глазами вдруг всплывают обрывки воспоминаний:

Виктор с дочкой на руках. Он смотрит на нее с таким обожанием, как будто она - его космос.

Его обещания. Его улыбки.

И этот момент, когда он на коленях протягивал мне кольцо и говорил, что я его навсегда.

А теперь...

— Лгун, — шепчу себе под нос. — Все это было ложью.

Глава 5

Я не знаю сколько проходит времени пока я живьем сгораю изнутри. Будто опасный костер где-то в районе сердца даже и не собирается затихать.

Когда сквозь вату в ушах слышу звонок в дверь вяло веду головой в сторону входа. Это не могут быть они...

Он бы размашисто вошел в дом и продолжал бы усмехаться и кромсать меня. А его раскрашенная стерлядь с наслаждением бы наблюдала.

Ощущение, что я вдруг оказалась в закрытой бочке, кислород еще есть, но ты уже знаешь, что его не будет достаточно. В один прекрасный момент он закончится, и ты исчезнешь.

Виктор сделал нечто подобное. Он не убил, он смертельно ранил и просто оставил умирать.

Пытаюсь подняться на ноги и добрести до входа. О своем внешнем виде совершенно не думаю, хотя до поломанного сознания доходит то, что Уля обещала привести Мирославу.

И как я сейчас покажусь такой перед ребенком?!

Останавливаюсь, прикрывая глаза, а затем бросаю взгляд направо, где стена украшена зеркальными панелями.

Подхожу ближе, пытаюсь рассмотреть степень кошмара. Красные опухшие глаза вряд ли скроют сейчас хоть какие-то капли или средства. А от изможденного вида, будто меня пе-

рекрутили пару раз в барабане стиральной машины, невозможно избавиться.

Когда звучит второй сигнал звонка, приглаживаю волосы, и пытаюсь стереть с лица остатки косметики. Подхожу, и прежде, чем открыть замок старательно натягиваю на лицо хотя бы подобие улыбки.

— Привет, — улыбаюсь глядя на Миру, дочь тоже улыбается в ответ.

Вижу, что вопросы в ее взгляде всплывают, но она не спрашивает. Обнимает меня, прижимаясь, и проходит в дом.

— Ма, мы такую крутую игру придумали, — тут же верещит, пока я чувствую испытующий взгляд подруги.

— И что же это? — Уля заходит следом, а я вижу, как она цепляет челюсти.

Я знаю, что она сейчас не уйдет, да и мне, по существу, хочется поддержки. Нет, я обязательно соберусь с силами, просто в одиночку противостоять тому человеку, которого безоговорочно любила, это... даже не знаю, сложно. За одни сутки невозможно переключить эмоции только на ненависть. Но я отчаянно буду стараться.

— Мира, сладкая моя, если ты голодна, там в холодильнике...

— Тетя Ульяна накормила, — киваю с улыбкой, а дочь уже скрывается в коридоре.

Ульяна стоит скрестив руки на груди.

— Вернулся? — вздернув бровь, спрашивает она.

Наконец, смотрю на нее в ответ и киваю.

— Да, — горькая улыбка тянется на губах, пока я пытаюсь сообразить как озвучить тот цирк, что мы здесь устроили: — Не один...

Подруга хмурится, а я иду к бару в гостиной и показываю на бутылку вина. Она кивает, и я разливаю его нам по бокалам.

— Он с новой семьей. — наконец, выдаю и подношу ей бокал.

— В смысле?! — Уля делает глоток, а я тем временем раскрываю шоколад и оставляю его на журнальном столе вместе с бутылкой.

— В прямом, — беру дольку, закидывая в рот: — Он хочет, чтобы мы уехали, а он здесь будет со своей дамой и ее детьми.

Слышу как подруга закашливается, и смотрит на меня выпученными глазами.

— Он охренел?! — единственное, что она выдает шепотом: — Что за шутки, Рада?! Как?! Он что, в Новый год свалил к ней?!

Молча киваю, допивая свой бокал, и мгновенно наливаю следующий.

— Марина, — растягивая звуки, произношу имя этой женщины, которая не побоялась влезть в семью и прийти в мой дом: — Я даже имела честь познакомиться с ней сегодня...

Ульяна отборно матерится и залпом допивает вино, уже самостоятельно наливая себе еще.

— Вот гандон! Мразь же! — шипит она в перерыве: — Ублюдок! Собственную дочь...

— Я не уеду, Уль, — твердо озвучиваю, глядя на подругу: — Я не отдам так просто все то, что мы сделали вместе. И не оставлю ребенка на улице. Витя прекрасно знает, что я продала свое имущество еще тогда. Давным-давно, чтобы появилась компания... И сейчас, черт со мной, но Мира... Понимаешь?! Девочка, которую он хотел, просил и молился вместе со мной. Когда уговаривал пойти на второе эхо, когда молил, чтобы я не переставала верить, не опускала руки. А теперь... Он лицемерно, с холодным равнодушием ждёт когда мы молча соберем вещи и уберемся, лишь бы его жизнь здесь была ключом с другой бабой и чужими детьми?! Ну н-е-е-т! — качая головой, пополняю нам обеим бокалы и ставлю бутылку на пол: — Только через мой труп они здесь останутся!

Ульяна, поджав губы, смотрит в мою сторону, а потом поддвигается ближе и обнимает меня. Держусь, чтобы вновь не зареветь, но все же не удается. Даю себе минутку в объятиях подруги, потому что знаю, что завтра я обязана буду собраться.

— Ты справишься, Рад! Справишься. Если что, я Костю подговорю, — слышу ее улыбку и сейчас я благодарна за ее поддержку и подпитку моей шаткой веры в это.

Но даже неуверенность в победе над ними не изменит моего решения сражаться.

Глава 6

— Давай найдем ее в соцсетях, — Улька уже изрядно пьяна.

Мы с ней до четырех утра рыдаем, утирая слезы по очереди то салфетками, то рукавами. Иногда просто необходимо выплакаться, до истощения, чтобы вроде как стало легче. Хотя легче не становится. Боль продолжает грызть изнутри, будто сотни острых иголок под кожей. Это такая боль, что даже передвигаться трудно, все тело будто надламывается.

— Посмотрим на эту суку, — добавляет она с пьяной решимостью, прищуриваясь, как будто собирается выйти на дуэль.

— Я уже сегодня насмотрелась на нее, — кривлю нос, и горечь тут же выливается в голос, — Ничего не понимаю, Уль. Ну как так... столько лет вместе. У нас же семья. Желанная дочь... — бокал в моей ладони трясется, вино едва не выплескивается через край, — А он говорит, что она любимая женщина.

— Да и пошел в жопу! — вдруг вскрикивает Уля, ее жесты становятся резкими, почти театральными. Она хватается за мой телефон, быстро лазит по странице Виктора, открывая его подписки, — Ты что, не знаешь, сколько классных мужиков вокруг ходит? А ты красивая, веселая, добрая! С руками и ногами оторвут.

— Нет, — перебиваю ее и со звоном ставлю бокал на стол, — Никаких больше мужиков в моей жизни. Не хочу ничего. Ни любви, ни этих игр. Я займусь дочерью и собой. И точка.

— Ну тоже верно, — соглашается Улька, но уже рассеянно. Её внимание полностью поглощено экраном телефона. Она щурится, сдвигая брови, активно листает подписки, прокручивает все ниже и ниже. Внезапно останавливается, — Вот! Нашла!

Мое сердце тут же ускоряет ритм, словно кто-то сжал его ледяными пальцами. Как бы я ни хотела забыть лицо этой женщины, все равно что-то внутри разрывается от любопытства. Я тянусь к экрану.

На фотографиях, казалось бы, ничего особенного. Обычные селфи, кадры из отпуска, и множество снимков ребенка. Не одного. Милый мальчик, возраст определить не могу, но не очень маленький, с большими голубыми глазами. И еще девочка, улыбка, с хитринкой в глазах. Получается у нее двое детей...

Мы пролистываем три последних месяца. Ничего. Никаких компрометирующих снимков, никаких намеков. Но Уля не сдаётся. Она заходит в закрепленные сторис.

И тут я замечаю, как ее лицо искажает гримаса.

— Бля... — говорит она, кладя телефон экраном вниз. Смотрит на меня, и в глазах горечь, смешанная с жалостью.

— Что там? — мой голос дрожит, а в груди всё сжимается, будто вокруг меня невидимые тиски. Скручивает так сильно,

что становится трудно дышать, — Покази, Уль.

Она мотает головой, закрывая глаза. Но я не сдаюсь, хватаваю телефон. Какая-то часть меня знает, что не стоит этого делать. Но мазохистка внутри толкает вперед. Гляжу на экран.

Сторис. Просто вытянутая женская рука со свежим маникюром, всё идеально. На безымянном пальце блестит кольцо — большое, с крупным камнем. Оно словно ослепляет меня, пробивает насквозь.

И подпись.

«Витя сделал мне предложение. Спасибо судьбе за то, что свела нас с тобой».

Я хватаю воздух ртом, будто утопающий. Желудок скручивается так, что не выдерживаю. Резко бегу в ванную, почти падая на плитку. Белый фаянс становится моим спасением.

Всё, что было во мне — вино, боль, злость — выходит наружу, перемешиваясь с истерикой. Слёзы текут без остановки. Я содрогаюсь от рыданий, почти не замечая, как Улька становится рядом, держит мои волосы, шепчет что-то ободряющее.

— Мы еще не разведены, — выдавливаю я, облокотившись о холодный край раковины, — А он ей уже предложение сделал. Как это возможно? Как он мог? Только недавно мы... Мы ведь спали вместе!..

В памяти всплывают фрагменты. Его руки на моем теле, его голос, его взгляд, полный привычной теплоты. Ложь. Всё

это было ложью.

— А ей как? — спрашиваю я, поднимая голову, всматриваясь в отражение. Моё лицо — чужое. Распухшее от слёз, с пятнами на щеках, — Ей не противно? Не мерзко брать кольцо от мужчины, который ещё вчера лежал в постели с женой?

— Рада, это пиздец, — произносит Уля, заключая сухой, но точный вердикт.

— Нет, это больше, чем пиздец, — отвечаю, утирая мокрое лицо ладонью. Внутри меня поднимается что-то новое, жесткое. Это уже не боль. Это злость, — Я не позволю этим двоим затянуть меня в их грязь. Не дам им повода для сплетен.

Я выпрямляюсь, ощущая, как с каждым словом в груди разгорается решимость.

— Мы с Мирой справимся. Мы будем счастливы. И этот дом я не отдам. Пусть ютится у этой крысы или вообще на улице живёт. Мне плевать. Завтра же сменю замки. Все. Даже охранную систему обновлю. Чтобы он не смог войти.

— Вот это я понимаю, — хмыкает Улька, но в ее взгляде теплота. Она понимает, что я только что взяла курс на войну.

— Думал, я сломаюсь? — говорю я, глядя в свое отражение, — Нет. Я стану сильнее. Такой, которую уже никогда и никто не сломает.

И пусть судьба попробует сделать еще один удар. Я готова.

Глава 7

Наблюдаю за тем, как трудится сотрудник охранной компании. Вязаный свитер совершенно не греет, а перед глазами все еще тот камень.

Блестит и переливается на руке с ярко-алым маникюром. В момент собственного срыва, когда только увидела ее, было не до деталей. Но сейчас мозг будто нарочно выискивает мелочи, которые собирают ее в слишком живой образ.

Прикрываю глаза, вдыхая морозный воздух через приоткрытую дверь. Ворота рабочий собирался делать после дома, поэтому когда я вижу, что они разъезжаются, меня окутывает яростью, смешанной с болью и страхом.

Хреновый коктейль, если учесть, что вино из бара мы вчера выпили подчистую.

Глубокий вдох, и скрестив руки на груди, я выхожу из дома. Запирая дверь, встаю прямо на крыльце.

— Все хорошо? — тут же подает голос сотрудник, который менял замки, а теперь настраивает внешний блок от сигнализации.

— Да, нежеланные гости...

Тихо озвучиваю, а сама смотрю четко в лобовое стекло наглухо тонированной машины.

— О, незванные гости хуже татарина, — усмехается дядечка.

Тем временем дверь машины открывается, но двигатель он не глушит. Вижу, как вылезает из машины и уже качает головой в упреке. Окидывает взглядом все происходящее, а я вздергиваю бровь с наигранной улыбкой.

Даже если внутри сейчас кровоточит так, что впору захлебнуться этой кровью. Даже если сейчас я понимаю, что он грязно и мерзко убивает мою любовь. То чувство, которое помогало, когда я ждала его со службы, когда мы варили макароны и ели их с кетчупом, считая, что это наш ужин с деликатесами. Когда он целовал и шептал, что лучше меня никого не существует. Что он благодарен миру за нашу встречу.

Как, черт возьми, человек может настолько измениться?! Взять и отказаться от всего? Уйти от своих убеждений и от той жизни, которую мы создавали вместе?! Как это может сделать здоровый, адекватный мужчина, понимающий, что у него есть, и обязанности, и обязательства?!

— Рада, что ты делаешь? — он устало звучит поднимаясь по ступеням.

— Зачем приехал? — прячу то, как этот чертов парфюм, который я недавно покупала сейчас щекочет ноздри, и отчаянно заставляю себя не вдыхать его с наслаждением как раньше.

Витя останавливается напротив и прожигает недовольным взглядом. На темное пальто опускаются снежинки, а я резко вспоминаю нашу первую зиму.

Нам по семнадцать было вроде, в обнимку катались с горки во дворе как дети. Так счастливо, беззаботно и с любовью.

Не выдерживаю и увожу глаза в сторону.

— Ты не ответишь?!

Он делает шаг ближе, а я инстинктивно отхожу назад, бросая яростный взгляд в него.

— Не приближайся, — цежу сквозь зубы, несмотря на предательскую боль.

— Я задал вопрос...

— А я не обязана тебе на него отвечать, — усмехаюсь, а в это время глаза ловят какое-то движение у автомобиля.

Молниеносно веду ими к его джипу, и замечаю ее. Шерочка с машерочкой...

Смех сам собой рвется наружу, и я даже не сдерживаюсь. Дубов хмурится и озирается по сторонам, а потом я слышу его шумный вдох.

— Так, это уже идиотизм, — хрипит он: — Я предлагаю тебе поговорить как взрослые люди, спокойно обсудить дальнейшие...

— Нечего обсуждать, — перебиваю, успокоившись: — Ты на разговор даже в одиночестве приехать не можешь... Это с каких пор ты не в состоянии вопросы решать? Поддержка нужна, милый? — снисходительно спрашиваю и только, что из-за шума двигателя не слышу хруст его зубов: — Разговаривать мы будем только через адвокатов, а сюда... — оборачиваюсь на дом: — Ни тебя, ни твою любимую женщину я

не впусти.

— Рад, подумай, — предостерегающим тоном он отвечает: — Ты работаешь в моей компании, одно движение и ты не способна оплачивать ни содержание ребенка, ни даже ЖКУ. А собственность на дом пополам, я просто могу выкупить твою долю... два миллиона...

Щурю глаза, а от обиды горло буквально горит, но я ни на йоту не покажу истинных эмоций. Пусть считает меня стервой и сукой, к тому же лишь благодаря ему это все сейчас происходит со мной.

— Мы полжизни вместе, — медленно проговариваю слова: — Нашему ребенку девять... А тот факт, что будучи еще женатым ты сделал предложение своей... — шумно выдыхаю воздух, потому что назвать ее по имени не могу: — Я убеждена, родной, что суд будет на моей стороне, а все имущество будет поделено в равных долях. Я же продала свою квартиру, чтобы мы внесли все подчистую для развития ТВОЕЙ КОМПАНИИ, помнишь?!

Он злится, челюсть напряжена так, что кажется вдвое квадратнее. Я же не чувствую ни триумфа, ни победы в словесном противостоянии.

Внутри меня лишь черная гладь мрака, которая окутала каждую частичку моей души. А сознание тем временем вопит, что от нас с дочерью откупаются какими-то жалкими двумя миллионами, когда стоимость коттеджа превышает не один десяток. Это так он оценивает нас? Тех людей,

что помогали ему поддержкой и верой дабы он построил эту жизнь...

Гнусно и мерзко понимать, что мне объявлена война самым родным человеком, которого я имела в своей жизни.

— Как скажешь, Рада, хочешь биться - будет битва, — выдает он сквозь зубы спустя паузу: — Где Мира?! Я хочу ее увидеть.

Вскидываю брови в удивлении, и хоть запретить не могу, но огромного желания нет. Потому что мне еще предстоит разговор с моей девочкой на тему нашей дальнейшей жизни.

— Позвони ей. Если проснулась, выглянет в окно...

— Рада, мать твою! Кончай этот цирк! — выкрикивает, и все таки приближается ко мне.

Хочет дать понять, что давит. Что у него власть, а я лишь дура, что полюбила человека, способного на чудовищные поступки.

— Витюш, — противный голос с придыханием звучит слишком заискивающим: — Опоздаем...

— Мне надо забрать кое-какие документы, — наконец, он видимо признает истинную цель визита.

— Нет, — пожимаю плечами: — Ты не заберешь ничего из этого дома, потому что я не знаю на что вы оба... — перевожу глаза на прищуренный взгляд брюнетки: — способны, а ты наглядно показал, что никому не стоит доверять.

Разворачиваюсь, чтобы уйти, но замираю еще даже не коснувшись двери.

— Присылай своего адвоката, мой уже ждёт, — с фальшивой улыбкой озвучиваю, и скрываюсь в доме, предварительно кивнув рабочему.

Он, я так понимаю, ожидал когда можно войти, и теперь вводит новый код.

Захлопываю дверь, и прислонившись к ней спиной, часто дышу глубокими вдохами и горжусь собой.

Не без помощи Константина - мужа Ульяны, который по первой просьбе жены согласился помочь и дал контакт одного из лучших адвокатов.

Но я знаю, что это всего лишь начало.

Подхожу к окну, и чуть отдернув штору, вижу, что он так и стоит на месте глядя на дом.

Больно, наверное. Безусловно не так, как мне. Скорее больно осознавать, что твой план, который ты нарисовал в своих пошлых мечтах сейчас крошится благодаря, казалось бы, кроткой жене.

Ничего, Витюш, потрахаетесь в ее квартире.

В принципе, можете там и жить остаться, Рождество встретите так же увлекательно, как и Новый год.

Глава 8

Все праздники меня окружает гнетущая, тягучая тишина, которая будто впивается в стены и в меня саму. Это не просто тишина — она давит, как груз, как тяжелое одеяло.

Я стараюсь отвлечься, провести это время с Мирой, своей маленькой радостью, но даже её смех иногда звучит, как будто издалека, приглушенно. Мы смотрим старые советские фильмы, которые я любила в детстве, и рождественские американские комедии, надеясь, что хоть немного светлого праздника проникнет в нашу жизнь.

Ночью я почти не сплю. Слежу за каждым шорохом, каждым звуком на улице. Тихий хруст снега под чужими шагами заставляет сердце ухнуть куда-то вниз. Страшно, до ужаса страшно, что он может внезапно появиться, стоять под дверью, требовать что-то. Каждый раз, когда шторы чуть колышутся от сквозняка, я замираю, вслушиваясь.

Мира... Она совсем ничего не знает. И это режет меня изнутри. Она спрашивает про папу снова и снова, её маленькие глаза смотрят на меня с таким доверием, что я чувствую себя предательницей. Приходится врать. Я нагло, безбожно вру своему любимому ребенку, придумывая невнятные объяснения и пытаюсь замять тему. Но я знаю, что нужно будет сказать. Нужно найти слова, которые объяснят всё её сердцу, но я до сих пор не могу их собрать.

К работе я возвращаюсь измотанной, как будто вместо отдыха тянула за собой мешок с камнями. Уставшая, помятая, чужая даже самой себе, ярываюсь в офис одной из первых. Тишина пустого помещения встречает меня холодным равнодушием. Это немного помогает — никто не видит, как я пытаюсь восстановить лицо, словно надевая невидимую маску.

Я так мечтала выйти на работу, думая, что это спасёт меня, вытащит из гнетущих мыслей. Но даже здесь, за рабочим столом, они подступают ко мне, как тени, незримо присутствуя за спиной. Все кажется зыбким, ненадежным, как тонкий лед, который может треснуть в любую минуту.

— Дубова, — голос вырывает меня из вязкой паутины мыслей. Я поднимаю голову и вижу, как Ксюша, коллега из эйчар отдела, буквально летит к моему столу. Её глаза широко раскрыты, лицо нервное, она пододвигает стул к моему рабочему месту и усаживается без приглашения.

В другой ситуации это могло бы показаться мне слишком смелым, но сейчас я вижу, что она взвинчена. Это не любопытство или болтовня ради развлечения. Её дыхание прерывистое, волосы, которые она нервно закручивает за ухо, выдают состояние девушки.

— Что случилось, Ксюш? — спрашиваю, стараясь, чтобы голос звучал ровно, хотя внутри уже скручивается тревожный узел. Её паника начинает передаваться и мне.

— Рада... — она глотает воздух, как будто готовится вы-

палить нечто страшное, — Не знаю, что именно происходит, но мне сегодня поставили задачу уволить тебя по статье. Рада, что вообще творится?

Слова обрушиваются на меня, как лавина.

— Чего? — выдыхаю я, чувствуя, как всё внутри обрывается. Господи, неужели он пошёл на это? Неужели настолько потерял разум? На войне все средства хороши, Витя? Seriously?

— Виктор Сергеевич назначил нового директора, — Ксюша продолжает, теребя свой браслет, — Ты её, наверно, не видела. Она из другого филиала. Марина, брюнетка с каре. Вот, она сказала уволить тебя.

Слышу, как она произносит имя и описывает её внешность, но смысл слов не укладывается в голове.

Эта женщина? Здесь работает?

Неверие накрывает с головой, как ледяная волна. Это больше похоже на дурной сон, тот, в котором ты бежишь, но не можешь сдвинуться с места, а всё вокруг рушится. Только я не могу проснуться.

— Рада, ты куда? — Ксюша вскакивает, когда я стремительно поднимаюсь, но я лишь машу рукой. Потом. Всё потом.

Внутри ураган эмоций: злость, отчаяние, страх. Это не просто работа — это моя жизнь. Моя дочь. Её школа, одежда, еда. Всё держится на мне. Я не могу остаться без дохода из-за того, что мой муж не удержал свой член в штанах.

Какая же сука.

Я нахожу ее в кабинете. Она сидит, развалившись на кресле с телефоном в руке. Ее смех — громкий, неприятный, почти карикатурный. Она хохочет так, будто вокруг никого нет, будто мир принадлежит ей. Фигуру в облегающем костюме сложно не заметить. Сразу понятно, что акценты расставлены намеренно.

Смотрю на неё, и внутри всё сжимается. Она неприятна до дрожи. Её ухмылка, тон голоса, самоуверенные жесты. Я пытаюсь понять, что он в ней нашёл.

Фигура? Эти выпяченные бёдра? Или этот наглый рот, который, кажется, всегда готов сказать что-то развязное?

— *Что, Витя? — мысленно спрашиваю я, сжигая взглядом эту сцену перед собой, — Чего ты хотел? Этого?*

Но у меня нет времени на раздумья. Эта игра закончится по моим правилам.

— Погоди, Ритуль. Ко мне зашли, — она тянет слова медленно, словно смакуя каждую букву, и тут же переводит на меня взгляд, полный ледяного высокомерия. Её идеально уложенные волосы ни на миллиметр не сдвигаются, даже когда она убирает айфон от уха. Бровь взлетает вверх, а алый рот растягивается в недоуменную гримасу, словно она удивлена, как я посмела сюда прийти.

— Какие-то вопросы? — голос ровный, почти ленивый, будто ей скучно, хотя глаза сверкают хищным интересом.

— Ты не имеешь права меня уволить, — я говорю это

твердо, но внутри все кипит.

— Кто такое сказал? — её губы складываются в насмешливую букву “о”, а взгляд становится еще более колючим, — Могу. Вы, Рада, не очень исполнительный сотрудник. Мы легко найдем вам замену... Но так уж и быть, я готова принять заявление по собственному, чтобы ваша трудовая не пострадала.

На секунду у меня перехватывает дыхание. Такое спокойное, почти дружелюбное хамство выбивает почву из-под ног.

— Ты охренела? Ты кем себя возомнила?

— На двери висит табличка... — она делает нарочитую паузу, как будто хочет, чтобы каждое слово разрезало воздух, — Прочитайте, Рада. Вы же умеете читать?

Лицо этой суки остается бесстрастным, но тон... этот спокойный, насмешливый тон, заставляет кровь кипеть. Я чувствую, как пальцы сами сжимаются в кулаки. Если бы можно было, я бы схватила её за тонкую шею и задушила прямо здесь, чтобы этот противный смех больше никогда не звучал.

— Я никуда не уйду. По какой статье ты собралась меня увольнять? Мои коллеги подтвердят, что всё это ложь. Я хороший сотрудник.

Она усмехается, медленно скрепя руки на груди, и её взгляд полон презрения.

— Да мне все равно, Рада, какой вы сотрудник. Хороший или плохой. Но бывшая жена моего мужчины здесь работать не будет. Думаю, разговор окончен.

Слова обрушиваются на меня, как удар кувалды.

— Мы еще не в разводе! — бросаю я, стараясь держать голос ровным, хотя внутри всё горит, — А вот ты, подстилка, никто. И звать тебя никак. Я даже ни на йоту не сдвинусь со своего места.

Она вздыхает, театрально закатывая глаза, словно я доставляю ей невыносимое неудобство.

— Рада, — произносит она с ленивой усмешкой, — Вы выглядите жалко. Неужели вам ещё не понятно, что ваша партия проиграна? Витя любит меня, сделал директором, у нас скоро свадьба. Уйдите с гордостью с дороги, не позорьтесь. Над вами же все смеются уже.

Её слова звучат, как пощечина.

"Витя любит меня."

Эти три слова будто сжимают мою грудь железным обручем. Я глубоко вдыхаю, заставляя себя не сорваться.

— Смотри, чтобы потом над тобой не засмеялись, — отвечаю, бросая на неё взгляд, полный презрения.

Разговаривать с ней бесполезно. Здесь не диалог, а бой, и я не собираюсь проигрывать. Резко хлопаю дверью кабинета, чувствуя, как накатывает волна ярости.

Так, Рада. Просто дыши. Дыши и думай. Что делать?

Идти к Виктору? Нет, это только усилит её позицию, он, скорее всего, просто подыграет ей. К генеральному? Тоже бесполезно, это чистый протезе Виктора для отвода глаз и снятия ответственности. Да и я не хочу выглядеть жалобной,

словно школьница, которая пришла плакаться.

Нет. Нужна контратака.

Я должна сама решить эту ситуацию. У меня нет другого выбора. Выйти из этого с минимальными потерями, сохранить и работу, и дом.

Я справлюсь.

Глава 9. Виктор

Смотрю в документы, а сам ни черта не понимаю. Расходы за месяц на оборудование, обеды для сотрудников, еще что-то.

Внутри беспокойно уже несколько дней, и знаю в чем причина. Зря она так...

Я ведь действительно не думал, что такое возможно в жизни. И намеренно никогда бы не искал какой-то эйфории на стороне.

Мира звонит, видимо со школы, а я в ступоре не знаю, что сказать.

Вчера играли с детьми Марины в настолки, и на секунду хотелось бы, чтобы моя дочь тоже была рядом в этот момент. Но я не уверен, что пока мы не разберемся с Радой, стоит ли вообще общаться с дочерью.

Она ведь могла уже ей наговорить тонну неправды, и сделать все, чтобы ребенок отвернулся от меня.

Надо будет обдумать эту мысль...

Слышу стук в дверь, и откашливаясь, позволяю войти.

— Ксения? — удивленно смотрю на нашего менеджера по персоналу.

Не сказать, что мы не пересекаемся, но подобные встречи вне совещаний нонсенс. К тому же, только ради моей собственной свободы от сотрудников ниже этажом сидит Юрец,

а точнее Юрий Алексеевич, что официально является генеральным директором.

— Простите, Виктор Сергеевич, — блеет она, а я хмурюсь и откладываю бумаги.

— В чем дело?

Девушка явно нервничает, тербит пальцы и на дверь оглядывается.

— И? — ситуация начинает раздражать.

А нервы и так на пределе. Заявление на развод я уже подал, Рада пока не знает, но скоро ей придет уведомление.

— Марина Васильевна приказала уволить одного сотрудника по статье, — вообще ничего не понимаю.

Положение Марины сейчас в офисе изменилось, но это совершенно не потому что у меня чувства. Ее опыт больше и разностороннее. Полагаю, что даже тот факт, что она некоторое время сидела в декрете во время своего кошмарного брака, а потом работала не по своей специфике, не влияет на ее компетенцию.

— И? Вы не согласны? Или нарушений не было?! — пытаюсь уловить связь и вообще разобраться о чем, мать его, речь.

— Это Рада Дмитриевна... — наконец, она озвучивает хоть что-то конкретное.

Застываю в кресле, а шумный выдох все же срывается наружу. Едва заметным кивком головы выпроваживаю сотрудника, а сам прикрываю глаза.

Дерьмо собачье.

Говорил же не нужно пока ей знать, пока мы не урегулируем вопросы развода и имущества.

Вздыхаю, и набираю секретаря.

— Вызовите ко мне Астахову.

Лицо держать здесь нужно, но Марина в силу искристого характера иногда перебарщивает. С Радой так нельзя. Да и в целом, она не мужик, чтобы лезть на рожон, я сказал ей, что решу, значит, я решу.

Пытаюсь остудить злость, потому что на почве моего брака, у нас уже случались конфликты. Несмотря на мудрость этой женщины, наша страсть, она сейчас не на руку. Мы как подростки хотим тонуть друг в друге. Мне мало ее, ей мало меня.

И это охренительное чувство.

Крышу сносит лишь от одного взгляда и грации воинственной кошки, когда она соблазнительно двигается на меня. Вот прямо, как и в эту минуту ее силуэт появляется в дверях.

— Я соскучилась, — тянет она с улыбкой.

Вижу, как уже расстегивает единственную пуговицу на пиджаке, открывая обзор на прозрачное кружево ее белья. Я его уже видел сегодня утром, и срывал.

Пытаюсь собраться с мыслями. Встаю из-за стола и иду к ней на встречу.

— Сейчас мы на работе, — озвучиваю мягко, касаясь ее

щеки костяшками пальцев: — Зачем ты это делаешь?

Я не хочу давить на нее, потому что знаю какво ей. Она рассказывала, каким был ее муж, какво ей было. И вновь открыться мне, это очень дорогого стоит. Она знает, что уязвима и, от того произошла такая ситуация.

Марина прикрывает глаза на мое прикосновение, а я с нежностью прижимаю ее к себе.

— Я не знаю, что тебе донесли, но я лишь сделала замечание, — говорит мне в грудь, прижимаясь теснее: — Вить, я...

— Не нужно с ней так. Я понимаю это сложно, — пытаюсь подобрать слова и звучать убедительно: — Но я тебе говорил, что готов на сложности ради тебя, слышишь? — обхватываю ее лицо ладонями отрывая ее голову от груди: — Только ты, Марина. Есть только ты.

Она прячет улыбку, закусив губу, и я не удерживаюсь от того, чтобы коснуться их в трепетном поцелуе.

Знаю, что в следующую секунду огонь может поглотить нас в настоящий пожар. И, черт возьми, хочу этого.

Марина стонет прямо мне в рот, ноготки проходятся по рубашке, и хочется чувствовать их на своей коже. Распахиваю полы ее пиджака, нагло и бесцеремонно сжимая яркую налитую грудь. Она выгибается, с горящим взглядом рассматривает, как я оттягиваю ее сосок.

— Встань к столу! — приказываю рыком, срывая галстук.

Она, облизывая свои губы, идет к столу и скидывает жа-

кет, оставаясь лишь в этом гребанном кружеве. Смотрит мне прямо в глаза, гипнотизируя, дразнит.

И я, сука, горю как подросток.

Скидываю пиджак, освобождаясь от рубашки, и расстегиваю ремень брюк. Марина поворачивается спиной, и плавно качая бедрами, стягивает обтягивающие ее кожу брюки.

Охуенная женщина.

Подхожу ближе, прижимая ее к себе, и кусаю шею, от чего ее стон разлетается на весь кабинет. Хватаю за волосы, чтобы увидеть пульсирующую вену на шее, и одновременно оттягиваю резинку ее стрингов. Звонкий звук раздается песней для ушей, а она трется своей задницей об мой готовый член.

Безумие и похоть в секунду берет тотальный контроль и я грубо врываюсь в нее, зная, что она готова. Для меня она всегда готова.

Замираю на пару секунд, чтобы насладиться и подарить нам то самое ощущение, о котором мы оба мечтали.

— Жестче хочу, — шепчет она, обхватывая руками мою шею.

И дважды просить не нужно, вколачиваюсь в нее с рычащими звуками и прикрытыми глазами. У меня никогда такого не было. Грубо, безумно, и на грани.

Глава 10

Мы с ним столько лет прожили вместе, столько пережили, прошли через трудности, радости, испытания. Разве это ничего не значит? Разве после всего у нас не получится нормального разговора, как у двух взрослых людей?

Нужно просто ещё раз всё обсудить. Без криков, без взаимных обвинений, без обид. Да, мне больно. Не просто больно — разрывающе, до пустоты в груди.

Да, я потеряна. Я не знаю, как жить дальше, не знаю, как дышать, когда кажется, что мир рушится. Но я не собираюсь опускать руки. Я буду бороться. За дом, за эту работу, за своё будущее.

И, в первую очередь, я должна поговорить с ним. Он пока всё ещё мой муж, даже если уже не надолго.

Делаю глубокий вдох, подхожу к двери его кабинета. Рука тянется к ручке, но я замираю. В коридоре, где сейчас ни души, внезапно становится слишком тихо. И одновременно с этим слишком громко.

Стоны.

Сдавленный звук ладоней по коже.

Я не сразу понимаю, что это. Или, может быть, просто не хочу понимать. Сердце начинает бешено колотиться, дыхание сбивается, ноги словно приросли к полу. Я не могу сделать шаг, даже чтобы уйти.

Мне не нужно видеть, что происходит за дверью, чтобы знать.

Там он. С ней.

Каждое слово, прерываемое их тяжёлым дыханием, звучит слишком отчётливо. Каждое движение, каждый шорох — всё это отзывается глухой, ноющей болью где-то внутри меня. Их голоса полны страсти, которая, наверное, когда-то была между нами.

А я просто стою и слушаю.

Слушаю, как за этой дверью моя жизнь с окончательно рушится.

Что-то внутри меня ломается с треском, с хрустом, как тонкий лёд под ногами. В груди боль разрастается черной пустотой, как будто сердце вырывают с кусками, оставляя лишь обрывки.

В этот момент я понимаю...

Между нами больше нет ничего. Не осталось ни любви, ни уважения, ни даже попыток сохранить то, что было. Теперь мы абсолютно чужие друг другу люди.

Слёзы выступают на глазах, но я не позволяю им скатиться. Не здесь. Не сейчас.

Я стою в коридоре, сжимая кулаки, и жду. Жду, пока они закончат. Маска безразличия прилипает к лицу, потому что так надо. Пусть Виктор не думает, что у него получится окончательно меня сломать, уничтожить, стереть с лица земли.

Нет. Не будет так, как ему хочется. Не будет так, как хочет

его новая пассия.

Дверь кабинета открывается, и она выходит. Улыбается победно, с вызовом, словно этот цирк — соревнование, где она уже объявила себя победительницей. Почему ей это надо?

Мне это не нужно. Совсем.

Но запах — этот отвратительный, сладковатый, удушающий запах похоти, грязи и предательства — бьет в нос сильнее, чем могли бы слова. Слава богу, у неё хватает ума промолчать. Ничего не говорит, просто идет дальше, виляя округлыми бедрами, демонстративно медленно. В её движениях столько самодовольства, что становится противно.

Я жду, пока она скроется за углом, и резко захожу в кабинет. Виктор как раз застегивает штаны, и его лицо кривится в недовольной гримасе, когда он видит меня.

— Думаю, тебе известно, что твоя... — я делаю паузу, пытаюсь подобрать слово, но в голову лезет только отборный мат, — Твоя женщина хочет меня уволить.

Я стою прямо, смотрю ему в глаза. Не дрожу, хотя внутри всё пылает.

— Вить, это жестоко. Это несправедливо. Зачем ты так поступаешь?

Он смотрит на меня, как будто это я должна оправдываться. Как будто я не человек, а назойливая проблема, от которой он устал.

— Я не знал, — отвечает он, и голос вроде бы честный,

но в нём такая холодная отстраненность, что от этих слов становится ещё больше, — Увольнять не стану, понимаю, что работу найти тяжело.

Я уже почти начинаю думать, что он хоть немного меня понимает, но тут же слышу:

— Может, перевести тебя в другой отдел, Рада? Я готов пойти навстречу. Понимаю, что тебе тяжело будет видеть нас с Мариной вместе.

У меня перехватывает дыхание.

Видеть вас вместе?

Ты даже не представляешь, Виктор, какие вы оба мерзкие. Но моя работа мне нравится, я люблю её, мне нравится коллектив, и я знаю, что хорошо справляюсь. Почему я должна уходить? Почему я — та, кто должен делать шаг назад?

— И ещё, Рада, — продолжает он, словно нож в сердце с удовольствием втыкает, — Твоя шалость с замками полный бред и абсурд. По закону это и мой дом тоже.

Я смотрю на него, чувствуя, как кровь приливает к лицу.

— Так что, прекрати вести себя как истеричка, — говорит он с раздражением, устало потирая виски, — Я предлагаю полюбовно разойтись. Для тебя и для Миры так будет лучше.

— Надо же, — я чувствую, как слезы подступают к глазам, но я их не выпускаю, — Ты вспомнил про дочь.

— Не передергивай. Дочь я люблю. Просто вас двое. Мирка, конечно, не останется жить со мной и Мариной, это понятно. А вам с Мирой...

Он продолжает что-то говорить, но я уже не слышу. Злость закипает, становится почти физической, будто я вот-вот сорвусь.

— По твоей логике, — перебиваю я, едва сдерживая дрожь, — Если бы я встретила мужчину с детьми, нам бы с ним этот дом тоже был нужнее?

Он качает головой, будто я сказала что-то нелепое.

— Это вряд ли.

Я моргаю, не сразу осознавая, что он сказал.

— Что, прости?

— Вряд ли ты кого-то можешь встретить, — говорит он холодно, и в его голосе — та же жалость, что в глазах, — Во-первых, ты всю жизнь любила только меня.

Каждое слово, как пощёчина.

— А во-вторых, — продолжает он, — Ты хороший человек, Рада. Правда. Но как женщина...

Он делает паузу, и мне хочется заорать, чтобы он заткнулся.

— Как женщина ты пресная. Скучная. И неинтересная. Одной внешности недостаточно. В тебе огня нет, жизни нет. А мужики такое не любят.

Я замираю. Слова будто ударяют молотом по голове. Он смотрит на меня и, кажется, не понимает, что только что сказал.

Нет. Диалога тут не выйдет.

Я ненавижу его. В эту секунду — больше, чем кого-либо.

Глава 11

Окей.

Натягиваю на лицо холодную улыбку, а внутри колотит так, как никогда. Будто я несколько суток сижу на морозе.

— Благодарю тебя за честность, — голос звучит со скрытой яростью и нарочитой вежливостью: — Жаль, что ты слишком долго шел к этой мысли, мы бы оба не тратили время друг на друга.

Он качает головой, облакачивается на стол, и не сводит взгляда.

Разворачиваюсь, чтобы выйти из кабинета, но на секунду останавливаюсь в дверях.

— Будь добр, или угомони свою пламенную пилотку или я за себя не отвечаю. — нажимаю на ручку двери: — И еще, впредь сообщай о своих визитах. Не хотелось бы, чтобы ты заморозил ту часть, которая требует огня, ожидая, пока я открою входную дверь.

Громко хлопнув дверью его кабинета, я выхожу, и глубокими размеренными вдохами пытаюсь себя успокоить. Кулаки сжаты до побелевших костяшек, но я этого даже не чувствую, лишь замечаю в отражении зеркала в лифте.

Ты сделал достаточно, Витя. Ты переполнил даже мою чашу.

В глазах горит огонь, я вижу. Но он прав, это не тот огонь,

который он хочет видеть. Это бушующий ураган ярко-красной ярости и злости.

Даже если его слова больно бьют меня и задевают, одно сейчас я понимаю точно. Виктор трус и оказался слишком ведомым, готов плясать под дудку стервы. Так может быть ему изначально нужна была сука в жены?! Чего ж он с дурочкой с соседнего двора замутил?! Еще ведь и терпел бедный с семнадцати лет...

Отключи эти мысли, Рада. Просто отключи.

Выхожу на нашем этаже, и прямиком иду в кабинет Ксюши. Она сейчас — моя та самая спасительница, которая даст информацию.

— Привет, — сажусь напротив и судя по глазам, коллеги, я выгляжу слегка безумно: — Нужно личное дело.

Ксюша опускает глаза...

— Мы разводимся, как понимаешь, — пытаюсь в двух словах обрисовать ситуацию: — Но помимо прочего, он готов оставить ребенка в съемной квартире... а все остальное забрать, — многозначительно замолкаю, пока вижу ошарашенные глаза напротив: — Мне очень нужно личное дело этой Марины.

Ксюша сглатывает и лезет в тумбочку, тут же достает папку. Я даже слегка в замешательстве от готовности документа.

— Я заранее распечатала, — говорит она с печальной улыбкой: — Мне жаль, Рад.

Киваю ей мимолетно улыбнувшись.

— Мне тоже... Но это самое последнее чувство сейчас. —
встаю кивая ей, и закрываюсь в своем кабинете.

Только здесь, закрыв жалюзи, я позволяю себе откинуться
на спинку кресла и прикрыть глаза.

Чертов кобель. Мразь, в которой нет ничего человеческого.
Резко открываю папку и вижу фото явно молодой девушки,
но не того возраста, что она сейчас и не с тем количеством
косметологических процедур. Из обычной скромной
семьи, к тому же не местная.

Пропускаю дальше перечень образовательных учрежде-
ний и вижу начало ее жизни в столице. Скоро она после пе-
реезда конечно замуж выскочила. И не за абы кого, какой-то
предприниматель, что-то связанное с сетью магазинов. Губа,
значит, у огненной Мариночки не дура.

Дальше первый ребенок, а через четыре года второй. И
что странно, спустя несколько месяцев развод.

Хотя, разве странно...тут средь бела дня собственный
муж готов украсть у тебя жизнь.

Но, что удивительно, как раз в это время она появляется
в его компании. Причем совершенно не в том отделе, в ко-
тором она находится сейчас. Возвращаюсь на предыдущую
страницу, просматривая образование и едва ли оно связано
с общественностью, пиаром, журналистикой или чем-то по-
добным.

Хм.

В голову закрадываются разные мысли. Но я не имею пра-

ва на ошибку, даже на самую мелкую. А еще не могу и раскрыть своего недетского интереса. Иначе это может стоить мне очень дорого.

Тру виски, пытаюсь обдумать дальнейшие действия. Знаю, что дом будет поделен пополам, но вот вопрос может ли повлиять на мою компенсацию вклад в развитие компании много лет назад. Наверняка адвокат спросит доказуемо ли это... Не помню, да и признаться, не знаю было ли что-то из документов на тот момент.

Черт.

Решаю не гадать и звоню адвокату, которого мне посоветовали ребята.

— Здравствуйте, Прохор Геннадьевич.

— А, Радочка, доброго дня, я как раз собирал информацию о вашем супруге, — озвучивает он чуть скрипучим голосом.

Опыта у этого мужчины больше двадцати лет, и более того, у него не одно громкое дело, где он оставлял мужчин кусать локти при разводе.

И нет, я не кровожадна. Просто мне сделали очень больно и грязно унизили. После всего, что было.

— Как успехи? — вяло улыбаюсь.

— Ну... успешный успех вскружил голову, видимо, да? — посмеивается он.

— Не могу знать...

— Мы пока незримо готовимся, мы ведь обсуждали с ва-

ми, да? Ведите себя спокойно и максимально подыграйте в беспомощности. Пусть он и не подозревает насколько вы можете быть подкованы и вооружены.

— Да, да. Помните, я когда описывала имущество и рассказывала о нашей жизни, я не упомянула. Я продала квартиру, чтобы Витя построил свою империю... Это может помочь?

На том проводе молчание. Мужчина явно обдумывает, а я пытаюсь не мешать и жду его вердикта.

— Вы наверняка не знаете что и как было приобретено на эти деньги, так? — я тут же согласно угадую, и стараюсь не кусать губы: — Давайте так, отправьте мне в контору документы, что остались или если есть возможность привезите.

— Я могу прямо сегодня вечером отправить с курьером, — тут же воодушевленно заявляю, потому что в доме осталось все как и было до его ухода в Новый год.

— И Рада, вам стоит понимать одну важную вещь, — серьезно говорит он: — Может случится так, что победит он, учитывая его влияние и финансовые возможности. Вы получите лишь малую часть, и это при лучшем раскладе.

Киваю, хоть и осознаю, что этого никто не видит.

— Я понимаю, очень хорошо понимаю.

Отключаю звонок, вновь глядя на фотографию брюнетки в личном деле.

Когда ты в красках осознаешь, что сделал, будет очень поздно, Дубов...

Глава 12

Нужно забрать Мирку с продленки, но я совершенно ничего не успеваю. Пробки, как непроходимый лес, обволакивают город, а я пытаюсь пробиваться сквозь них, скользящая вдоль ряда машин, словно селёдка в тесной банке.

Пальцы сжимаются на руле до боли, ногти впиваются в ладони. Свитер с высоким горлом трёт шею, вызывая раздражение и жгучую красноту, а щеки пылают не хуже, чем в минуты позора.

Злость накатывает волнами, я отмахиваюсь от нее, но она становится только сильнее. Эта ярость захватывает меня, как пожар в сухом лесу, и я уже не могу остановить её. Никогда бы не подумала, что способна на такую бурю. Никогда бы не подумала, что еще вчера могла так сильно любить человека, видеть с ним всю свою жизнь, а сегодня... ненавидеть. До зубовного скрежета, до трясущихся рук. Желать забыть его навсегда.

Я продолжаю лавировать по улицам, сердце грохочет в груди, каждая секунда кажется вечностью. До школы всё же доезжаю без происшествий. Слава богу.

Бросаю машину на парковке, почти не думая, и бегу к зданию. Лестницы будто издеваются, ноги подкашиваются, но я лечу на четвертый этаж, где продленка и вся малышня.

Мира ненавидит оставаться одной из последних. Она та-

кая у меня... нежная, ранимая. Боится, волнуется, если ее вовремя не забрать. Глаза девочки всегда начинают блестеть, если я задерживаюсь хотя бы на пять минут, и это ощущение её обиды меня убивает.

— Марина Константиновна, я за Мирочкой, — бросаю на ходу, буквально врываясь в класс.

Классная руководительница поднимает на меня глаза из-за стола. Милая женщина, божий одуванчик, всегда улыбается тепло, но сейчас её лицо немного растерянное. Она снимает очки, аккуратно кладет их рядом с журналом.

— Ой, а Миру папа уже забрал, — произносит она спокойно, будто бы ничего страшного не случилось.

Комок чего-то вязкого и тягучего подступает к горлу, застревает так, что становится трудно дышать. Я прокашливаюсь, будто это поможет избавиться от неприятного ощущения, и невольно вдавливаю каблуки сапог в линолеум. Колени чуть подгибаются, но я заставляю себя выпрямиться, чтобы не показать слабости.

Рука инстинктивно тянется к дверной раме — она кажется единственной стабильной точкой в этом шатающемся мире. Пальцы цепляются за холодный металл, и это немного отрезвляет.

— А давно? — спрашиваю, но голос звучит хрипло, словно его сжали тисками. Мне нужно знать ответ, но одновременно — страшно услышать его.

Марина Константиновна, с её всегдашней мягкостью,

смотрит на меня внимательно. Её лицо чуть хмурится.

— Минут тридцать назад. У вас всё нормально?

Она приподнимается из-за стола, её доброжелательность, которая обычно успокаивает, сейчас только раздражает.

Моя первая реакция — спрятать свои эмоции, спрятать всё это далеко. Ей не нужно видеть, что творится у меня внутри. Это слишком личное. И постыдное.

— Да, всё в порядке, — улыбаюсь, хотя лицо словно затянуло маской. Не знаю, где беру на это силы, но улыбка выходит достаточно убедительной, — Я что-то заработалась и совсем забыла, что муж сегодня должен был забрать Мирочку.

Пальцы дрожат, когда я прикладываю руку ко лбу. Слова звучат так непринужденно, что сама едва верю им. Но внутри всё горит тревогой и страхом. Он, конечно, не тронет её. Он урод, но... не чудовище. Правда?

Но в голове одна мысль громче других. Главное, чтобы он не манипулировал нашей девочкой. Чтобы её имя, её доверие не стали разменной монетой в его грязных играх.

— Простите за беспокойство, — добавляю я, извиняясь перед учительницей, — Спасибо.

Ухожу, оставляя позади её обеспокоенный взгляд. Как только оказываюсь за пределами школы, напряжение вырывается наружу. Ноги несут меня к машине быстрее, чем успеваю думать. Руки дрожат, когда я хватаюсь за руль, и, слыша двигатель, я уже знаю — поеду быстро.

На территории коттеджного поселка практически нет ма-

шин, дороги широкие, поэтому я игнорирую внутренний голос, кричащий о правилах. Сейчас мне плевать. Сердце стучит где-то в горле, словно не помещается в груди.

Одной рукой сжимаю руль так сильно, что костяшки белеют. Второй, почти судорожно, набираю его номер. Звонки идет, но...

"Абонент временно недоступен".

Классика жанра. Конечно, он недоступен.

Руль предательски скрипит под моими пальцами. Я жму сильнее на газ. Нужно быстрее домой. Нужно видеть её. Убедиться, что с Мирой всё в порядке. Убедиться, что он не успел сделать что-то, за что я никогда не прощу.

Бросаю машину прямо у ворот, не желая тратить время на паркинг. Всё это сейчас неважно. Важна только одна мысль... Она должна быть дома. Она должна быть в порядке.

Свет на первом этаже бьёт в глаза, как маяк, но вместо облегчения вызывает новую волну тревоги. Как он вообще туда попал? Я меняла замки. Неужели... И тут до меня доходит. Ключ. У Миры в портфеле всегда запасной ключ.

— Ловко придумал, — выдыхаю с нервным смешком, — Когда надо, котелок у тебя варит.

Врываюсь в дом, быстро скидываю пальто и сапоги, даже не утруждая себя аккуратностью. Едва дверь захлопывается за мной, я слышу голос Миры — звонкий, радостный, как всегда, когда она довольна.

Сердце сжимается, но я тут же выдыхаю. Она дома. Она

в безопасности.

— Мамочка! — радостно кричит она, выбегая в коридор. Глаза блестят, щеки покраснелись, — Смотри, папа привёз мне куклу! Это просто вау!

Дочь подбегает, прижимая куклу к груди, и начинает её демонстрировать, щебеча с восторгом: как у игрушки двигаются руки и ноги, как её можно кормить, укладывать спать, одевать. Я киваю, улыбаюсь, но почти ничего не слышу.

Голова гудит от злости. Этот звон заглушает её слова. Мира говорит, что они с папой после школы ели наггетсы и картошку фри. И тут я чувствую, как во мне закипает настоящая ярость.

Она не может это есть. У неё аллергия. Он знает, черт побери. Но ему всё равно.

— Зайчонок, — выдавливаю из себя с улыбкой, которая кажется натянутой до боли, — Давай выпьем таблеточку от аллергии? На всякий случай.

— Сейчас! — Мира улыбается и кивает, — Я помню, они в красной коробочке на кухне. Бегу!

Она сжимает куклу в объятиях и убегает, радостно что-то напевая. А я разворачиваюсь к нему, и внутри словно что-то взрывается.

— Ты охренел?! — срываюсь я, и голос звучит чуть громче, чем я планировала.

Он стоит в гостиной, опершись на спинку стула, с той самой ухмылкой, от которой всегда хотелось швырнуть что-

нибудь тяжёлое.

— Ты болен, Вить? Скажи честно.

— Рада, — цокает он, качая головой, будто я ребенок, который ничего не понимает, — Ты думаешь, что самая умная, но это не так.

— Через дочь ведёшь свою войну? Это низко, Витя. Это даже не дно. Это что-то хуже.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.